

А. П. ПРОНШТЕЙН

К ИСТОРИИ ПОХОДА ОТРЯДА ВАСИЛИЯ УСА К МОСКВЕ В 1666 г.

Поход отряда Василия Уса к Москве долгое время не привлекал к себе внимания советских историков. Лишь в последние годы он был специально изучен Е. В. Чистяковой,¹ а вслед затем нашел свое место в общих трудах по истории Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.² В работах Е. В. Чистяковой и других авторов показано, что возникновение похода было одним из ярких свидетельств и выражений напряженной обстановки, сложившейся на Дону и в центре России накануне Крестьянской войны 1670—1671 гг.; детально прослежен путь продвижения отряда с верховьев Дона до Тулы и обратно; показано на большом материале влияние похода на классовую борьбу крестьян и холопов центральных районов страны, обострившуюся в 50-х—первой половине 60-х годов XVII в.; наконец, оценено значение похода как предвестника Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина.

Если в общей оценке похода отряда В. Уса и явлений, с ним связанных, советские историки держатся единого мнения, то в характеристике отдельных сторон этого события они зачастую расходятся во взглядах. Помимо того, в некоторых работах допускаются и фактические неточности. Но неверная или неточная трактовка отдельных событий препятствует и общей оценке значе-

¹ Е. В. Чистякова. 1) Крестьянское движение в Подмоскowie и поход Василия Уса (1666 г.). *Вопр. истории*, 1953, № 8; 2) Василий Ус — сподвижник Степана Разина. М., 1963.

² *Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 281—282; В. И. Лебедев. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1955; И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону накануне Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Уч. зап. ЛГУ, № 270, серия истор. наук, вып. 32, 1959, стр. 55—56 и др.*

ния похода. Это дает нам основание в настоящей статье обратить внимание на некоторые стороны похода В. Уса.

Прежде всего следует остановиться на причинах похода, составе его участников и целях.

Е. В. Чистякова верно отметила, что основной причиной похода отряда В. Уса был голод, вызванный скоплением беглых на Дону.³ К этому, однако, следует добавить, что скопление беглых вызвало необходимость в организации похода казаков к Москве и потому, что Дон именно в это время переживал своеобразный хозяйственный кризис, который выразился в истощении старых источников обеспечения жизни и его поселенцев. О том, что они собой представляли, можно судить по характеристике их самими казаками в поэтической «Повести об Азовском сидении». Повторяя известные слова Нового завета, казаки заявляли: «кормит нас, молодцев, небесный царь в степи своею милостью, зверем диким да морскою рыбою. Питаемся словно птицы небесные: не сеем, не пашем, не собираем в житницы. Так питаемся подле моря Синего. А серебро и золото за морем у вас (турок, — А. П.) находим. А жен себе красных, любых выбираючи, от вас уводим».⁴ Таким образом, до середины XVII в. казаки обеспечивали свое существование рыбной ловлей, охотой, походами за «зипунами» и «ясырем» и царским жалованьем.

Царское жалованье действительно имело существенное значение в обеспечении казаков хлебом, оружием, боеприпасами и одеждой.⁵ Однако во второй половине XVII в. жалованье стало выдаваться только «добрым и старым казакам, которые в городах живут и служат давно»; вновь прибывшие ничего не получали, а из верховых давалось только тем, кто являлся на службу в Главное Войско.⁶

При крайне низком уровне развития производительных сил морские и отчасти сухопутные набеги на соседние племена и государства играли роль своеобразного промысла, приносящего казакам «ясырь» и «зипуны».⁷ Непрерывно нападали казаки и на татарские и турецкие отряды, проходившие по Дикому полю, «отграмливая» у них русских пленников и захваченное добро, а заодно уводя в плен участников таких походов.⁸

³ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie..., стр. 129.

⁴ Русская повесть XVII века. [Б. м.], 1954, стр. 223.

⁵ В. П. Загорювский. Донское казачество и размеры донских отпущков в XVII в. В сб.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1961, стр. 136—148.

⁶ ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1674, № 7, л. 3, и ДК, № 21, лл. 3—19; ДАИ, т. 17, стр. 291.

⁷ Донские дела, кн. I. РИБ, т. 18, стр. 780, 814, 830—831 и др.; кн. II, РИБ, т. 19, стр. 49, 55; Историческое описание земли Войска Донского. Изд. 2. Новочеркасск, 1903, стр. 113, 125, 193—195, 245—248 и др.

⁸ В. Д. Сухоруков. Общжитие донских казаков в XVII—XVIII вв. Новочеркасск, 1892, стр. 7—13.

Первое время походы сильно обогащали всех участников. Но с середины XVII в. каждому из рядовых казаков стало достаться все меньше военной добычи. Большая часть ее попадала в руки атаманов и старшин, которые сами не ходили в походы, а ссужали рядовых казаков конями, оружием и боеприпасами, получая за это одну треть или даже половину привезенной добычи. К этому следует добавить, что после оставления казаками Азова в 1642 г. турки, заняв город, разместили в нем большое войско и флот, а в 1660 г. поставили в дельте Дона каменные башни, между которыми протянули цепи. Теперь, чтобы попасть в море, казакам нужно было преодолеть этот кордон. Сделать это удавалось лишь небольшому числу казачьих отрядов, но и в таких случаях они несли очень большие потери. Так или иначе, но казаки вынуждены были признать, что они теперь сидят «взаперти» и «зипуну» им взять негде.⁹

С тех пор, как турки закрыли донским казакам выходы в Азовское и Черное моря, часть из них в поисках «зипунов» устремилась на Волгу и в Каспийское море. Казаки нападали на торговые корабли, персидские селения и города.¹⁰ Источники сообщают, что в 50-х—начале 60-х годов с большим отрядом «воровал» в Каспийском море «на Кизыль-башской земле» атаман Иван Кондырев, громил и опустошал торговые караваны московских гостей и персидские города и поселки «воровские» отряды во главе с Парфеном Ивановым, Тимофеем Родионовым и другими атаманами. Действовавшие на Волге и в Каспийском море казаки строили даже на Дону (ниже Иловли) особый городок — Ригу — и оттуда начали было совершать регулярные походы. Но экспедиции «воровских» отрядов на Волге и Каспийском море, препятствовавшие регулярной торговле со странами востока и сохранению с ними мирных отношений, уже в начале 60-х годов встретили решительное сопротивление со стороны правительства и зажиточной части Войска Донского. При поддержке московского правительства атаманы и старшины Войска организовали поход на «воровской Рыгин городок», взяли и сожгли его, а главарей повесили. По указанию же правительства в Царицыне был усилен гарнизон, который не пропускал отряды донских казаков на Волгу, а с теми, кому все же удавалось туда прорваться, царские войска вели решительную борьбу.¹¹

⁹ С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пгр., 1924, стр. 164—165; Очерки истории СССР. XVII в., стр. 268—281; В. П. Загоревский. Вопрос о русском морском флоте на Дону до Петра I. В сб.: Из истории Воронежского края, Воронеж, 1961, стр. 161—163.

¹⁰ Донские дела, кн. III. РИБ, т. 26, стр. 424; кн. V, РИБ, т. 34, стр. 481—482, 531, 557.

¹¹ И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону..., стр. 49; В. И. Лебедев. Крестьянская война..., стр. 45, и др.

Важную роль в жизни казаков в XVI—XVII вв. играли рыболовство и охота. Рыба и дичь являлись в то время очень важными продуктами питания, а для казаков Нижнего Дона они были и предметом торговли. Изобилие рыбы в реках донского бассейна объяснялось главным образом ежегодным приходом ее из Азовского моря на Дон для метания икры. После нереста часть старой рыбы и молоди оседала в гирлах Дона, и здесь был особенно большой лов. Но с тех пор, как турки вновь укрепились в Азове в 1642 г., условия ловли рыбы для казаков резко ухудшились. Турки не только препятствовали казакам в ловле рыбы на Азовском побережье и в низовьях Дона, но часто перегораживали реку рыболовными саями и этим препятствовали проходу рыбы вверх по Дону. В таких случаях казаки лишались, по существу, главного источника существования, вследствие чего, как неоднократно свидетельствуют документы, у них наступал голод.¹²

Таким образом, масса казачьего населения, обитавшая на Дону в середине XVII в., оказалась в тяжелом положении. Из царского жалованья ей почти ничего не доставалось. Совершать походы в Азовское, Черное и Каспийское моря стало почти невозможно. Рыболовный промысел резко сократился и теперь плохо кормил казаков, а охота никогда не была надежным средством обеспечения жизни.

Своеобразный хозяйственный кризис, наступавший с середины XVII в., мог быть менее ощутим, если бы на Дону стало распространяться земледелие и животноводство. Природные условия для этого были очень благоприятны. Но в силу окраинного положения Донской край постоянно испытывал угрозу набегов турецко-татарских отрядов, которые почти до самого конца XVII в. в любое время могли пройти по Донской земле, вытоптать и сжечь урожай, увести скот и захватить в плен людей. Это заставляло казаков селиться в укрепленных городках и не обращаться к указанным выше «мирным» промыслам.¹³ Следовательно, и таким путем выйти из хозяйственных затруднений казаки не могли.

Трудности обеспечения существования жителей Донского края особенно возросли во второй половине XVII в., в связи с резким увеличением численности населения на Дону, заметным уже с 50-х годов. Это обстоятельство до предела накалило обстановку, и одной из попыток найти выход из создавшегося положения явилась организация похода отряда Василия Уса.

При таком понимании причин похода отряда В. Уса становится более ясным состав его участников. Некоторые исследователи считают, что «мысль идти в Москву, обратиться к царю

¹² Донские дела, кн. II, стб. 64, 126; кн. III, стб. 820; кн. IV, стб. 883 и др.

¹³ А. П. Проппштейн. Характер и особенности заселения Донского края в XVIII веке. Научные докл. Высшей школы, Истор. науки, 1960, № 1, стр. 89—93.

с просьбой принять их на службу, зачислить в казаки и дать жалованье» возникла среди «новоприбылых» беглых крестьян и холопов.¹⁴ Но для того чтобы «стать казаком», в XVII в. не надо было обращаться к царю. С момента возникновения казачества и до середины XVII в. каждый, оказавшийся на Дону, становился казаком, «потому что Доном, — как писал Г. Котошихин, — от всяких бед освобождаютца».¹⁵ Постепенно прием в ряды казачества стали ограничивать. Теперь казаком становился только тот, кого зачисляли в это звание на войсковом кругу. Но и в этом случае для того, чтобы стать казаком, никакого утверждения со стороны правительственной власти не требовалось.¹⁶ Если бы у беглых возникла мысль идти к царю и просить о зачислении их в казаки, они бы немедленно были схвачены, подвергнуты жестокому наказанию и возвращены владельцам на основе тех общих законов о беглых, которые действовали в крепостнической России во второй половине XVII в.¹⁷ Правительство считало своим правом возвращать владельцам даже зачисленных в казаки беглецов, если они, находясь на Дону менее шести лет, осмеливались появляться в центральных районах страны. Правда, казаки не признавали этого, и правительство шло на уступки. В «Наказной памяти» из Разрядного приказа от 14 июля 1666 г. полковому воеводе Ю. Бярятинскому, например, указывалось, что если казаки беглых, попавших в их ряды, «за столько лет отдавать не учнут, и них бы отдали за 5 лет или за 4 или за 3, а по самой последней мере за 2 года».¹⁸ Но уже двухлетний срок выдачи беглых, ставших казаками, «за тою вину, что они, беглецы, з Дону пошли самовольством»,¹⁹ не оспаривался и Войском Донским.

С другой стороны, от голода страдало не только вновь прибывшее на Дон население. Вследствие истощения старых источников существования, как было показано выше, в крайне тяжелом положении оказалась и казачья голытьба. Приток нового населения способствовал дальнейшему ухудшению ее положения, выходом из которого, как могло казаться, было назначение на службу и получение жалованья. Все сказанное выше находит свое под-

¹⁴ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмосковье..., стр. 129.

¹⁵ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, стр. 135.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 111, оп. 1, ДД, 1686, л. 9; ДАИ, т. XII, № 17, стр. 163; А. Леонов. Как поступали в казаки в старое время. Донские обл. ведом., 1862, №№ 39, 46.

¹⁷ А. Г. Мапьяков. Усиление крепостного права в России во второй половине XVII века. М., 1962, стр. 120—127; Т. И. Смирнова. Побег крестьян накануне выступления С. Разина. Вопр. истории, 1956, № 6, стр. 129—130 и др.

¹⁸ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41—42.

¹⁹ Там же.

тверждение при более внимательном анализе целей похода отряда В. Уса, к рассмотрению которых мы обратимся.

У исследователей нет единого мнения по этому вопросу. Е. В. Чистякова и И. В. Степанов считают, что казаки решили идти к Москве, чтобы просить царя определить их на службу в русскую армию, действующую против Польши, и назначить им жалованье.²⁰ В. И. Лебедев и авторы соответствующего раздела в «Очерках истории СССР» не согласны с этим и утверждают, что желание поступить на «государеву службу» для казаков было лишь предлогом.²¹ Авторы «Очерков» не стараются определить истинные цели похода. Не говорит прямо об этом и В. И. Лебедев. Но, характеризуя положение казаков на речке Умерте, В. И. Лебедев пишет, что они убедились в невозможности «пока» «организовать восстание в этом районе»,²² из чего можно заключить, что именно восстание было главной целью похода.

К сожалению, Е. В. Чистякова и И. В. Степанов не приводят аргументов в защиту своей точки зрения, но нам она представляется более правильной, и вот почему.

Источники свидетельствуют о том, что атаманам и старшинам Войска Донского было известно о формировании в верховьях Дона крупного отряда для похода к Москве и что, несмотря на это, они не предприняли никаких мер для предотвращения этого похода. Такой факт исследователи объясняют тем, что старшины были заинтересованы в уходе части казаков с Дона, ибо надеялись тем самым разрядить обстановку, оказавшуюся очень сложной.

С этим, разумеется, можно согласиться. Но если бы старшины были убеждены, что казаки готовятся «идти на Москву» для организации или участия в восстании крестьян в центральной России против помещиков и феодального государства, они или бы приняли меры к предотвращению похода, или, во всяком случае, сообщили бы о том, что им известно, правительству. Но они этого не сделали — и, конечно, не случайно, ибо были убеждены в том, что казаки действительно идут к царю с просьбой принять их на службу и выдать жалованье.

Действия казаков такого рода в тот период никого не могли удивить. Донские казаки не раз обращались к царю с подобными просьбами и в период войны за воссоединение Украины с Россией 1648—1654 гг., и во время русско-шведской войны 1656—1658 гг., и наконец во время русско-польской войны 1654—1667 гг. Так же было и тогда. Когда В. Ус со своими ка-

²⁰ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie..., стр. 129; И. В. Степанов. Социально-политическая обстановка на Дону..., стр. 55.

²¹ В. И. Лебедев. Крестьянская война..., стр. 41; Очерки истории СССР. XVII в., стр. 282.

²² В. И. Лебедев. Крестьянская война..., стр. 42.

заками шел к Москве, два отряда донских казаков во главе с И. Аверкиевым и А. Наумовым «самовольно» отправились на Украину и предложили гетману И. Брюховецкому свои услуги.²³ В глазах казачества, не знавшего о мирных переговорах, которые уже вели между собой представители России и Польши, правительство могло нуждаться в их помощи. В тот момент многим казалось, что война с Польшей была в самом разгаре. Еще совсем недавно, в 1663 г., польские войска перешли на левый берег Днепра и достигли некоторых успехов в борьбе с русской армией. Правда, вслед затем они потерпели поражение под Глуховым и Новгород-Северским. Но когда русские, закрепляя успех, заняли Шклов и Коньсы, а вслед затем, летом 1666 г., осадили Могилев, то они, в свою очередь, были отбиты.²⁴ Казаки, следовательно, имели все основания полагать, что правительство нуждается в вооруженной силе, а так как на Дону их положение в тот момент стало очень затруднительным, а практика принятия казаков на государеву службу была обычной, то они решили, собравшись, идти к Москве и просить царя об этом. «Вышли мы, холопы твои, на твою великого государя службу з Дону, слышачи твой великого государя подвиг, — писал В. Ус в челобитной, поданной царю 9 июля 1666 г., — милосердый государь... пожалуй нас, холопей твоих, вели, государь, нам служить свою государеву службу, где ты, великий государь, укажешь».²⁵ Подобным же образом заявляли казаки о целях своего похода и в других случаях.

Разумеется, можно ставить под сомнение искренность заявления В. Уса. Видимо, такие сомнения были и у воронежского воеводы Василия Уварова, когда отряд казаков оказался у стен Воронежской крепости. Поэтому он вызвал к себе в съезжую избу главаря отряда В. Уса и есаула Ив. Хорошева. Здесь они были допрошены о целях похода. Рассказав о них, казаки попросили воеводу, чтобы он «велел ис тех донских казаков шти человек с Воронежа отпустить к... великому государю, к Москве, бити челом тебе, великому государю, где ты, великий государь, укажешь быти им на своей великого государя службе».²⁶ Видимо, убедившись в том, что казаки ни к чему иному не стремятся, воронежский воевода разрешил им послать своих представителей к царю с просьбой о службе, что они и сделали, отправив станицу во главе

²³ ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, стб. 579, лл. 88—97. — Любопытно, что судьба этих отрядов, продолжавших настаивать на принятии их на службу и в конце концов разоруженных правительственными войсками, в какой-то мере сходна с судьбой отряда В. Уса (см. там же).

²⁴ Очерки истории СССР. XVII в., стр. 546—547; С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III, т. XI, гл. III. СПб., 1900, стр. 141—190 и др.

²⁵ Кр. война, т. I, № 11, стр. 37.

²⁶ Там же, № 8, стр. 35.

с Евдокимом Якимовым.²⁷ Можно было бы думать, что воронежский воевода Уваров приступил так потому, что боялся пятисот вооруженных казаков, пришедших с В. Усом. Но для этого нет оснований, так как для воронежской крепости это была небольшая сила. Основанная в 1586 г. как опорный пункт в борьбе с турецко-татарскими набегами и как оплот самодержавной власти на юге России, крепость Воронеж в середине XVII в. была одной из самых крупных на юге. Она стояла на холме, окруженная мощной стеной длиной свыше 800 сажен и имела 44 орудия. В ее погребах хранилось свыше 100 пудов пушечного и ружейного пороха, около 50 пудов свинца, более 2000 ядер разных калибров, мушкеты, карабины и другое вооружение.²⁸ Гарнизон крепости уже в 1646 г. насчитывал 1200 человек.²⁹ Можно считать, что к 1666 г. этот гарнизон был еще большим, так как правительство включило город в состав Белгородской черты и принимало меры к его дальнейшему укреплению. Во всяком случае, по смотру 1661 г. в Воронеже насчитывалось 1475 служилых людей.³⁰ Естественно, что, обладая такой силой, воронежский воевода Уваров при желании мог бы остановить отряд В. Уса или хотя бы сделать такую попытку.

Как и воронежский воевода, правительство не поставило под сомнение желание казаков вступить в службу и принять участие в войне с Польшей. Правда, в связи с близким окончанием войны, в условиях нараставшего в 60-х годах XVII в. антифеодального движения и значительного увеличения побегов крестьян и холопов от своих владельцев правительство не было заинтересовано в пребывании на территории центральных районов страны казачьего отряда, который возбуждал народные массы. Поэтому оно приказало казакам возвратиться на Дон.³¹ Но станице Е. Якимова этот приход в Москву был зачтен за службу и даже было приказано выдать жалованье — «по рублю человеку».³² Жалованье, выданное казакам, было не столь уж большим. Казаки, приходившие в составе зимовых и легких станиц Войска Донского, получали значительно больше. Прибывшему во главе зимовой станицы в 1656 г. атаману Павлу Федорову «за его службу» было выдано «камка куфтерь добрая 10 аршин, сукно лундыш добрый, денег 20 рублей», есаулу той же станицы «сукно лундыш, денег десять рублей» и каждому казаку «по сукну по англинскому, по доброму» и «денег по девяти рублей человеку».³³

²⁷ Там же.

²⁸ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Под ред. Л. Б. Вейнберга. Вып. VII. Воронеж, 1887, стр. 345.

²⁹ Е. В. Чистякова. Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. Воронеж, 1953, стр. 22.

³⁰ Там же.

³¹ Кр. война, т. I, № 8, стр. 35.

³² Там же.

³³ Донские дела, кн. I, стб. 63—64.

В других случаях атаманам выдавали по 9—10 рублей, есаулам по 7—8 рублей, а рядовым казакам по 6—7 рублей.³⁴

Но выдача жалованья, хотя и меньшего по размерам, чем давалось казакам зимовых и легких станиц, свидетельствует о том, что в приходе станицы в Москву с подобной просьбой правительство не увидело нарушения существовавших обычаев. Об этом же говорит тот факт, что одновременно было приказано и казакам — участникам похода — для возвращения на Дон выдать «государева жалованья в дорогу на корм денег по полтине человеку, да на Воронеже суды, в чом вам ехать на Дон, да хлебных запасов, мукки ржаные и сухарей по полу осьмине человеку».³⁵

Еще более сложным является вопрос о характере и значении похода. Все советские историки называют поход и связанные с ним события открытым антифеодальным выступлением казачества, и в этом нет никакого сомнения. Состоявший из хорошо вооруженных людей, еще недавно бывших в крепостной зависимости, а теперь свободных, как только могут быть свободны люди феодального общества, не принадлежащие к господствующему сословию, отряд В. Уса стал сразу же центром притяжения всех беглых и всех недовольных крепостническим режимом в стране. Но при этом исследователи, подходя без должной критики к источникам, на которые они опираются, в отдельных случаях приписывают отряду Василия Уса и те действия, которых он и не совершал.

Е. В. Чистякова пишет, что казаки во главе с В. Усом ожидали в Воронеже царский ответ. А когда «Уваров получил приказ немедленно вернуть отряды В. Уса на Дон... донцы „учинились непослушны“ воронежскому воеводе, и 26 июня весь лагерь исчез из-под Воронежа».³⁶

На самом деле было иначе. Отряд В. Уса, по его собственным словам, пошел к Москве «неделю спустя» после ухода Якимова к царю. Но за неделю покрыть расстояние от Воронежа до Москвы и обратно — общим протяжением свыше 1100 верст — казачья станица Якимова, конечно, не могла. Посланная самым срочным образом отписка Скопинского воеводы в приказ Тайных дел о присоединении группы крестьян с Хворощева и дер. Горловой к отряду В. Уса была отправлена из Скопина 4 июля, а получена в Москве 10 июля, т. е. была доставлена за 5—6 дней.³⁷ Станица В. Уса вышла из Тулы 9 июля, а явилась в Посольский приказ 14 июля, следовательно, находилась в пути не

³⁴ Там же, № XXVII, 4 и др.

³⁵ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41.

³⁶ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмосковье..., стр. 129.

³⁷ Кр. война, т. I, № 9, стр. 36.

менее 4 дней.³⁸ А между тем расстояние от Скопина или от Тулы до Москвы в два с лишним раза короче, чем от Воронежа. К тому же станица Якимова не проявила стремления как можно скорее вернуться к отряду В. Уса. Хотя правительство послало ее со своим ответом «на ямских подводах наспех», Е. Якимов и его товарищи, как говорится в наказной памяти из Разрядного приказа князю Ю. Барятинскому, «своровали, с его государевой грамотой на Воронеж скоро не поспешили» и «не дождався его государева указа с Воронежа пошли и пошли в Тульский уезд без указа, самовольством».³⁹

Как видно из «Наказной памяти», посланной Ю. Барятинскому из Разрядного приказа, царская грамота о возвращении казаков на Дон была послана в Воронеж только 26 июня.⁴⁰ Поэтому получить ее в Воронеже могли не ранее 29—30 июня, а в это время отряд В. Уса находился уже далеко от Воронежа. Е. В. Чистякова права, когда указывает в другом месте, что станица Якимова привезла царскую грамоту В. Усу тогда, когда он со своим отрядом стоял на р. Упе, т. е. после 8 июля.⁴¹

Таким образом, нельзя говорить, что под Воронежем казаки «учинились непослушны» царскому распоряжению. Они действительно проявили «самовольство», но лишь в том смысле, что не стали ожидать царский ответ, а прямо двинулись из Воронежа в центр страны.

Появление в центральных районах страны отряда В. Уса всполошило русских помещиков. Уже на следующий день после остановки отряда под Тулой, 9 июля, московские, тульские, дедиловские и соловские дворяне в страхе писали царю, что казаки, идя с Дона, «прибрали на дороге к себе воров, людей наших и крестьян, которых, государь от нас, холопей твоих збежали... И те, государь, вору приезжают в деревнишка наши и разоряют всяким разарением, животину отымают и насильования чинят. И достольния, государь, наши людишка и крестьянишка от нас, холопей твоих, бегут, видев их воровское самовольство... И впредь, государь, похваляютца те вору на нас, холопей твоих, всяким дурным и на дамишка нашим разареньем». Перепуганные дворяне просили «милостивой указ учинить, чтоб нам, холопом твоим, от твоих разоренья в конец разоренным не быть».⁴²

В. И. Лебедев полностью принимает показания этих дворян и пишет о разорениях, грабежах и насильствах крестьян.⁴³ Иначе относится к ним Е. А. Швецова, которая в комментариях к первому тому сборника документов «Крестьянская война под пред-

³⁸ Там же, № 14, стр. 39.

³⁹ Там же, стр. 41.

⁴⁰ Там же, стр. 39.

⁴¹ Е. В. Чистякова. Крестьянское движение в Подмоскowie. . ., стр. 130.

⁴² Кр. война, т. I, № 10, стр. 36; см. также: № 14, стр. 39.

⁴³ В. И. Лебедев. Крестьянская война. . ., стр. 41.

водителем Степана Разина» отмечает, что «документ искажает действительное положение вещей, так как факты враждебных действий по отношению к угнетателям авторы челобитной (т. е. помещики и вотчинники) представляют как „разорение“ и „насилование“ всех дюдей. Такое искажение является типичным для всех документов, исходивших из лагеря врагов движения, и его следует везде принимать во внимание».⁴⁴

Полагаю, что права в этом вопросе Е. А. Швецова. Дело в том, что помещики центральных районов России были до предела напуганы тем возбуждением, которое вызвало среди крестьянства появление отряда В. Уса, и стремились убедить правительство как можно скорее заставить отряд В. Уса уйти с той территории, где они жили, а заодно принять меры к «усмирению» их собственных крестьян. Поэтому они не жалели красок для изображения «бесчинств» и «разорений», чинимых казаками.

Однако мы имеем и другие свидетельства источников о поведении отряда В. Уса. Ряд представителей господствующего класса, не зараженных страхом местных тульских, дедиловских и соловских дворян, совсем иначе характеризовали поведение отряда. Так, 3 июля 1666 г. отряд В. Уса прошел мимо дворцовых владений с. Хворощева и дер. Горловой Скопинского уезда. Староста П. Синицын в тот же день сообщил об этом скопинскому воеводе А. Мерчукову, а тот сразу же донес в приказ Тайных дел. В донесении говорилось о том, что казаки «подговорили» к уходу с ними нескольких крестьян, но не было сообщений о «бесчинствах» и «разорениях», чинимых казаками.⁴⁵

Тульский воевода И. И. Ивашкин в отписке, посланной в Разрядный приказ между 9 и 13 июля, сообщал, что «дворянские жены и дети на Тулу в город прибежали, а сказывают, что от их казацкого страха и разорения»,⁴⁶ но никаких фактов в подтверждение этого не привел, так же как не высказал своего мнения по поводу этого сообщения тульских дворян.

20 июля 1666 г. в Белгородской приказной избе был допрошен ротмистр К. Корсак, хорошо осведомленный о всех событиях, связанных с походом В. Уса. Он сообщил, что во время продвижения казаков от Воронежа до Тулы «дворяне де и дети боярские туля и иных городов, которые к Туле блиски, едут на Тулу з женами и з детьми, опасаячись от казаков всякого дурна и грабежу». Но, как сообщил К. Корсак, «убойства и грабежу от донских казаков он, ротмистр, никакова не слышал», «казаки, идучи дорогою з Дону к Туле, съесное имали, а грабежем ничего иново не брали и убойства не чинили», «а теперь де убойства и грабежу от донских казаков Константин Корсак не слышал».⁴⁷

⁴⁴ Кр. война, т. I, стр. 263 (комментарии к № 10).

⁴⁵ Там же, № 9, стр. 36.

⁴⁶ Там же, № 12, стр. 37.

⁴⁷ Там же, № 21, стр. 49.

Подобным же образом характеризовал поведение своего отряда в Посольском приказе 14 июля 1666 г. и Василий Ус, который заявил, что «дорогою де они шли смирно, нигде никакова воровства от них не было». ⁴⁸ В достоверности показания В. Уса убеждает и то обстоятельство, что он докладывал в Посольском приказе 14 июля, а поход его отряда от Воронежа до Тулы проходил с 26 июня по 9 июля. Следовательно, правительство уже имело сведения о походе из других источников. И если, несмотря на это, Ус смело пошел в Приказ, а там его не схватили как «разбойника», нужно полагать, что его отряд, с точки зрения правительства, не совершал никаких незаконных действий.

Из сказанного выше вовсе не следует, что поход отряда В. Уса не сыграл своей роли в возбуждении «мятежного духа» среди крестьян центральных районов России. Как убедительно и на большом материале показано Е. В. Чистяковой, В. И. Лебедевым и другими советскими историками, крестьянское движение, нараставшее в середине XVII в. в центральных районах России из года в год, с появлением отряда В. Уса быстро разрасталось, захватывая новые районы и вовлекая все большее число людей. Советские исследователи показали также, что казаки отряда В. Уса не оставались в роли сторонних наблюдателей во всех этих событиях. Они охотно принимали в свои ряды беглых крестьян и даже «подговаривали» многих помещичьих крестьян к уходу от своих владельцев. Некоторые из казаков приняли участие в расправах крестьян со своими владельцами, а иногда даже возглавляли походы небольших отрядов беглых крестьян и казаков против помещиков центральных районов страны. ⁴⁹

Но не это составляло первоначальную цель похода отряда В. Уса. Измученные и голодные, потерявшие всякую надежду на обеспечение своего существования на «вольном» Дону, казаки шли к царю в надежде, что он пойдет им навстречу и обеспечит их службой и жалованьем. Только этим, как нам кажется, можно объяснить тот строгий порядок и дисциплину, которые поддерживались в отряде В. Уса.

Однако царь не пошел навстречу казакам. Он не только потребовал, чтобы казаки вернулись обратно на Дон, но и повелел изъять беглых служилых людей, холопов и крестьян, примкнувших к отряду В. Уса во время перехода от Воронежа к Туле, а заодно и тех участников похода, которые бежали от своих владельцев после 1661 г. ⁵⁰

Для осуществления этого правительство была разработана целая система мероприятий. Если казаки выдадут беглых и двинутся к Дону, правительство предписывало воеводе Ю. Бярятин-

⁴⁸ Там же, № 13, стр. 38.

⁴⁹ Подробно об этом см. в статье Е. В. Чистяковой: Крестьянское движение в Подмоскowie... стр. 130—133.

⁵⁰ Кр. война, т. I, № 14, стр. 41.

скому «послати с ними провожатых из начальных людей из салдат, скольких человек пригож», и зорко следить, «чтобы какова дурна не учинилось». ⁵¹ В том же случае, если донские казаки не будут выполнять требования правительства, «к воеводе на Тулу не поедут, или с того места к Воронежу вскоре не пойдут и беглецов, служилых людей и боярских холопей и крестьян за 6 лет или меньше... не отдадут», то боярин и воевода Ю. Барятинский должен был вызвать к Туле из Каширы, Крапивны, Дедилова и других ближних городов дворян с их людьми, «сказать им про непослушание и упорство донских казаков» и призвать этих дворян над казаками «промысл чинить боем». ⁵²

В день отправки В. Уса и сопровождавших его казаков из Москвы, 14 июля, городовым воеводам из Разрядного приказа также была послана грамота, в которой им предписывалось «для всякого бережения» «за теми казаками от Тулы до Воронежа послать служилых людей, кого пригож, чтоб от тех донских казаков в дороге нигде никому никакова дурна и грабежу не было, и чтобы казаки ис полков служилых людей беглецов и боярских холопей и крестьян к себе не принимали. А буде те донские казаки, дорогою идучи, учнут то делать, и тех казаков тем служилым людям, которые за ними для бережения посланы будут, велено имать и отдавать в городех воеводам и приказным людям и сажать их в тюрьму до нашего государева указу». ⁵³

Правительство и дворяне не пожалели сил и средств для осуществления этой программы. Все выполнялось быстро и оперативно, и отряд казаков, значительно возросший за счет примкнувших к нему беглых крестьян, был вынужден возвратиться на Дон, преследуемый дворянским ополчением и солдатами царской армии, принеся с собой на Дон чувство огорчения в связи с несбывшимися надеждами. Так разрушалась в казачестве вера в царя и накалялась обстановка пока молчаливого, но упорного протеста, которая привела в самом скором времени к восстанию казаков и крестьян во главе со Степаном Разиным.

Подведем итоги. В работах Е. В. Чистяковой, В. И. Лебедева и других советских историков всесторонне исследована история похода отряда В. Уса к Москве в 1666 г., однако отдельные моменты ее требуют уточнения. Причиной похода явилось значительное увеличение притока населения на Дон в тот момент, когда край переживал своеобразный хозяйственный кризис, выразившийся в резком сокращении старых источников существования. Это вынудило казачью голытьбу и часть новопришлых создать отряд и двинуться к царю с просьбой определить их на службу и выдать «государево жалованье». Появление отряда

⁵¹ Там же, стр. 42.

⁵² Там же, стр. 43.

⁵³ Там же, № 15, стр. 44—45.

В. Уса в центральных районах страны способствовало росту крестьянского движения, нарастающего там с середины XVII в. Казаки не остались в стороне от этого общего движения. Но, сохраняя веру в «доброе» царя, измученные и голодные, они поддерживали порядок в своих рядах в надежде, что царь пойдет им навстречу и обеспечит их службой и жалованием. Однако правительство отказало в этом казакам и заставило их вернуться на Дон, преследуя отрядами царских войск во главе с воеводой Ю. Барятинским. Это сыграло немалую роль в усилении «мятежного духа» среди голутвенного казачества и новопришлых людей на Дону как раз накануне Крестьянской войны в России под предводительством С. Т. Разина.
